

УДК 34:94(470)

ББК 67.3(2)

Нравственно-правовые особенности заключения брака среди крестьян в дореволюционной России*

К.А. Синкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Moral Legal Traits of Marriage among Peasants in Pre Revolutionary Russia

K.A. Sinkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается сущность крестьянского брака как полного общения между мужчиной и женщиной (включающего в себя такие элементы, как естественный, нравственный, экономический, юридический и религиозный), где объединяющим началом является не родство, а общий труд.

Раскрываются условия вступления в брак: возраст лиц, вступающих в брак, и согласие в форме непротивления. Рассматриваются правовые последствия несоблюдения названных условий. Дана характеристика отказу от вступления в брак как юридическому факту, а также правовым последствиям такого отказа. Приводятся нравственно-юридические особенности заключения брака посредством похищения невесты, сохранившегося в отдельных местностях в качестве осколка прежних порядков. Определяется значение санкции брака со стороны родителей, церкви и общества.

Рассматриваются личные и имущественные права и обязанности супругов, дела о которых большей частью к своему рассмотрению принимают волостные суды, в то время как общие суды обычно уклоняются от их разбора. Изложение данных вопросов сопровождается примерами и ссылками на конкретные решения волостных судов, обосновывается социальная эффективность таких решений.

Ключевые слова: крестьянская община, крестьянская семья, традиционная правовая культура, соборность, волостной суд.

DOI 10.14258/izvasu(2017)6-03

В дореволюционной литературе являлся распространенным «артельный» взгляд на крестьянскую семью, согласно которому объединяющим началом се-

The article considers the essence of a peasants' marriage as complete communication (including such elements as natural, moral, economic, legal and religious) between a man and a woman, where the unifying principle is not kinship, but common labor.

The author discloses such conditions of marriage as the age of persons entering into marriage and agreement conducted through nonresistance. Legal consequences of non-observance of the indicated conditions are considered. A characteristic is given of the refusal to marry as a legal fact, as well as the legal consequences of such a refusal. Moral and legal peculiarities of the decision of marriage are considered. Special attention is given to the abduction of the bride, which was preserved in separate localities as a signs of former orders. The importance of the approval of marriage from parents, the church and society is determined.

The personal and property rights and the duties of spouses are considered. The cases of these rights and duties for the most part are taken up by the township courts, while the state courts usually avoid their consideration. The presentation of these issues is accompanied by examples and references to specific decisions of township courts. The social effectiveness of such decisions is justified.

Key words: peasant community, peasant family, traditional legal culture, conciliarism, township court.

мейных отношений у русских крестьян выступало вовсе не родство, а общий труд. Семья как воплощение артельного начала существовала постольку, по-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 17-03-00007 «Обычное право русской крестьянской общины».

сколькo это вызывалось практической необходимостью в совместном труде [1, с. 35–36]. На наш взгляд, столь утилитарное представление о семье породило и представление о браке как об «имущественной сделке» [2]. Вместе с тем С.В. Пахман вполне справедливо замечает, что добросовестные исследователи в своем старании препарировать обычное право на отдельные составляющие не увидели за деревьями леса [3, с. 388–394]. Крестьянский быт действительно внешне давал много аргументов в пользу «имущественной» теории брака, но дело в том, что внешнему наблюдателю все остальное было просто недоступно.

Применительно к имперскому законодательству А.И. Загоровский заметил: чтобы составить себе надлежащее понятие о браке, надо рассмотреть те элементы, которые в нем заключаются, так как брачный институт — многосторонний. Брак (у народа культурного) заключает в себе следующие элементы: во-первых, элемент естественный (физический), половой — вложенный природой в человека наряду с другими животными физиологическое влечение особей разного пола друг к другу; во-вторых, элемент нравственный (этический), заключающийся во взаимной нравственной привязанности супругов, в общении их внутреннего, духовного мира; в-третьих, экономический, порождающий хозяйственную связь, в силу которой возникает общее хозяйство мужа и жены; в-четвертых, элемент юридический, в силу которого брак является источником определенного юридического положения лиц, взаимно связанных супружеством, и порождает для них взаимные права и обязанности, и, в-пятых, религиозный, подчиняющий брак правилам религии: ни одна религия не относится безразлично к браку, и в особенности христианская [4, с. 6].

Вступление в брак требовало соблюдения некоторых условий, одним из них являлся возраст лиц, вступающих в брак. Для девушек он составлял 12 лет, для мужчин — 14 лет. Церковь боролась с князьями, отдававшими своих детей из династических соображений замуж ранее.

Писаное право устанавливало несколько иные возрастные пределы, когда запрещалось вступать в брак лицам мужского пола ранее 15, а женского — 16 лет от рождения (ст. 3 Свода Законов Российской Империи) [5]. Примечательным является и то, что запрещалось вступать в брак лицу, имеющему более 80 лет от роду (ст. 4 Свода Законов Российской Империи) [5]. Таким образом, по писаному праву брачная перзрелость (старчество) также делала вступление в брак невозможным. Здесь в полной мере прослеживается влияние христианства, т.к. церковь учила, что брак должен служить продолжению рода. Обычное право, надо полагать, в последнем случае вполне согласовывалось с правом писаным.

Крестьянство постепенно усваивало законодательное установление и повышало брачный возраст. Происходило это в основном под влиянием церковной практики, когда священники настойчиво отказывались венчать слишком ранние браки. Церковь же исходила из своего собственного понятия о церковном совершеннолетии — 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин (Синодский указ от 17 декабря 1744 г.). Для венчавшего брак священника именно церковное, а не гражданское совершеннолетие было определяющим.

Вплоть до конца XIX в. Россия в сравнении с другими европейскими государствами имела в общем срезе самый ранний возраст вступления в брак для большинства населения. Так, согласно исследованию профессора Янсона, в России на возраст до 20 лет приходится около 47% всех браков, в то время как в Западной Европе процент таких браков колеблется в пределах 2–10% [6, с. 120]. По мнению Б.Н. Миронова, одной из причин общего повышения брачного возраста у крестьян был также рост общего благосостояния населения, когда выдача замуж или женитьба уже не так диктовались соображениями хозяйственной необходимости [7, с. 161–163].

Несоблюдение постановления о брачном возрасте являлось нарушением закона не только гражданского, но и уголовного. За вступление в брак прежде или позднее определенного возраста сочетавшиеся лица и согласившиеся на то заведомо или побудившие к тому родители, опекуны или старшие родственники подвергались заключению в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев или аресту от четырех недель до трех месяцев [3, с. 10].

Другим условием вступления в брак являлось согласие в форме непротивления, которое презюмировалось, но вместе с тем не было похоже на современное волеизъявление. Невеста не была «товаром» в «имущественной сделке», она признавалась личностью, и ее согласие также определяло возможность брака. Во всяком случае, у невесты всегда была возможность во время венчания в церкви отрицательно ответить на вопрос священника о согласии на вступление в брак, и такой брак, безусловно, не был венчан.

В качестве осколка прежних порядков в некоторых местностях сохранялось похищение невесты. Однако неверно полагать, что похищение производилось помимо воли невесты или ее родителей. Скорее напротив, похищению предшествовала предварительная договоренность с похищаемой (прежде всего в случаях, когда ее родители изъявляли несогласие на брак) и с ее родителями (как правило, тогда, когда брак был беден и отсутствие средств на свадьбу заставляло обе стороны совершить брак через похищение с последующим его «одобрением» «недовольными» родителями). И в том и в другом случае наблюдается скорее согласие воли брачующихся, чем их несоответствие.

Похищение порождало нравственно-юридическую обязанность для мужчины вступить в брак с «похищенной». С другой стороны, и для согласившейся на увоз невесты также устанавливалась нравственно-юридическая обязанность вступить в брак с «похитителем». Брак «самокруткой» подлежал впоследствии обязательному благословию со стороны «обиженных» родителей. Как правило, в следующую же субботу молодые на коленях просили прощения перед домом родителей невесты. В подавляющем большинстве случаев они получали благословение.

Санкции брака придавалось большое значение. Венчанный, но тайный от общества брак не есть брак в полном смысле этого слова. С.В. Пахман указывает на распространенный в Малороссии и некоторых местностях Воронежской губернии обычай, согласно которому, если повенчанная невеста до свадьбы (до общего празднества) скончается, то она вовсе и не считается вступившей в брак [3, с. 388–415]. Одно только венчание, таким образом, не влекло за собою юридического становления брака. Необходимо было еще и общественное признание брака. Брак как бы специально выставлялся напоказ. Отсюда и обычай, что в свадебном гулянии может принимать участие абсолютно всякий. Суть такой общественной санкции брака в следующем: при отсутствии известной нам сегодня формальной фиксации актов гражданского состояния необходима была иная форма «запоминания» системы брачных отношений. Именно общественное сознание выступало хранилищем такой информации. По словам И.Г. Оршанского, особенность брака у крестьян заключается в том, что брак рассматривается не как личное дело участвующих лиц, а как общественное дело. Не венчание, а свадебный пир есть момент окончательного заключения брака, и нередко лишь после него допускается сожительство молодых [8, с. 12]. Отсюда и обычай оглашения священником в церкви перед собравшимися на службу имен предполагаемых супругов на протяжении нескольких недель до венчания.

Отказ от вступления в брак представлял собой юридический факт ввиду того, что собственно правоотношение возникало в момент сговора о браке между родителями (при посредстве сватов — сваты здесь посредники, а не самостоятельные субъекты) и совместного затем моления, поэтому последующий отказ означал односторонний выход из обязательства. Подобный отказ порождал обязанность возместить понесенные убытки (приготовление к свадьбе); покрыть бесчестие (посрамление), если таковое обнаруживалось; по некоторым данным, мог за собою повлечь взыскание уголовного свойства [3, с. 439]. Так, например, волостной суд вследствие уважительности отказа крестьянки выйти замуж принял решение о взыскании с нее необходимой суммы, которую истец израсходовал в рамках подготовки к свадьбе [9, с. 20].

В брачных отношениях супруги пользуются правами и несут обязанности. При этом нормы обычного права полностью согласуются с установлениями писаного права. Однако С.В. Пахман отмечает, что общие суды обыкновенно уклоняются от разбора дел, касающихся личных прав супругов, тогда как волостные суды, напротив, большей частью принимают такие дела к своему рассмотрению, разрешают споры, касающиеся личных прав супругов, и нередко виновных в нарушении таких прав подвергают наказанию, чем, по заявлению крестьян одной местности, и поддерживаются личные права супругов. Понятно вместе с тем, что большинство дел подобного рода заканчиваются в волостных судах такими решениями, которые выходят за пределы права гражданского [3, с. 437].

В числе обязанностей супругов имелась обязанность совместного проживания, которая обычно воспринимается как отрицание права жены на раздельное проживание. Однако необходимо отметить, что в силу такой обязанности на мужа также лежит обязанность совместного проживания с неугодной супругой.

При наличии несогласия лишь одного из супругов на раздельное проживание волостной суд обязывает их жить вместе. В случае же обоюдного согласия ничто не мешало супругам проживать раздельно. Причем подобная практика не была редкостью. Более того, о раздельном проживании супругами заключались и письменные соглашения, несмотря на то что писаное право (ст. 103 Свода Законов Российской Империи) [5] и церковные установления их категорически отвергали.

В рамках обязанности совместного проживания имелось в виду не только совместное пользование одним жилищем, но и «супружеское сожительство». Волостной суд признает за супругом субъективное право в этой части, т.е. признает право требования обратити другого супруга к сожительству и предоставляет этому праву защиту. Так, например, крестьянская жена заявила волостному суду жалобу в том, что ее муж и свекровь наносят ей оскорбления и даже побои. При этом просила приказать им оскорбления ей не наносить и из дома не выгонять, а за нанесенную обиду поступить с ними по закону. Суд постановил ввести просительницу в семейство к мужу. Старосте и свекрови поручил вести строгое наблюдение за семейной жизнью супругов [9, с. 568].

Из обязанности «супружеского сожительства» напрямую вытекает смежная обязанность супружеской верности. Она равно распространяется как на жену, так и на мужа. Но волостные суды, впрочем, в отступлении от такой верности не видят особо серьезного нарушения, которое потребовало бы строгого наказания, и ограничиваются внушением «жить вместе», «в законе». Однако нередки случаи и применения уголовного наказания в виде общественных работ, розог или ареста для неверного супруга.

Важной обязанностью являлась обязанность мужа доставлять своей жене содержание, в том числе обеспечивать жилище. Вместе с тем он вправе требовать от жены повиновения, оберегания семейного покоя, ненарушения семейного согласия, почтения. Отсюда вытекает право мужа «учить» жену и детей телесным наказанием. Но это право вовсе не означало возможность истязания. Жена могла обратиться за защитой в волостной суд, который подвергал мужа наказанию.

Можно было бы подумать о низкой эффективности подобной нормы, т.к. наказанный муж, возвратившись домой, вдвойне будет истязать жену. Однако в условиях столь «плотного» социального общежития факт вторичного истязания жены просто не мог остаться незамеченным. Так, например, волостной суд в заседании рассмотрел жалобу крестьянки на своего мужа в том, что он постоянно пьянствует, делает в доме буйство и продает на вино разные необходимые в хозяйстве вещи. В результате разбирательства волостной суд постановил виновного наказывать розгами (20 ударов) и внушить ему, что если еще какая жалоба дойдет от жены до волостного суда, то он подвергнется более тяжкому наказанию [9, с. 99].

Необходимо заметить, что волостной суд всячески старается восстановить единство семьи, примирить тяжущихся. Отсюда и внешняя нелогичность, но вместе с тем и фундаментальность отдельных решений.

Помимо личных прав и обязанностей супругов, выделялись их имущественные права и обязанности. У имущества супругов, по сути, даже не было собственника: отсутствовало конкретное лицо, в котором бы концентрировались известные нам правомочия по владению, пользованию и распоряжению. Глава семейства поспешно принимается за собственника только потому, что он явно распоряжался этим имуществом. В действительности, если пользоваться современной терминологией, то собственником крестьянского имущества следовало бы признать семью в целом (большую семью, род).

Этим народное право резко отличалось от установлений права писаного. Начиная с Петра I русское позитивное право все более вбирало в себя идею раздельности имущества супругов, так что супруги могли покупать друг у друга, дарить друг другу, вступать в отношения займа. Однако такое понятие об имуществе нашим брачным правом не было выработано самостоятельно, а скорее усвоено извне. А.И. Загорский отмечал, что существующая в действующем законодательстве система раздельности имущества супру-

гов не может быть оправдана ни существом брака, ни практическими потребностями, ни историческим развитием рассматриваемого института [4, с. 199–200]. В продолжение рассуждения по этому вопросу он добавлял, если два товарища-студента, живя совместно, не в состоянии вести правильный учет расходам каждого, сделанным на общие потребности, то это уже решительно невозможно мужу и жене, да еще имеющим общих детей. Если бы даже кто-нибудь из супругов и проникся вполне идеей закона о полной имущественной раздельности, то едва ли бы ему было под силу провести эту идею в жизнь, хотя бы он не выпускал из рук карандаша и записной книги. Эта полная раздельность была, есть и будет мертвой буквой, в одних случаях — в большей, в других — в меньшей степени [4, с. 200].

Итак, по крестьянскому праву право распоряжения имуществом принадлежит мужу как главе семьи. Но именно в силу его статуса как главы семьи, а не вследствие непризнания за женщиной способности к управлению имуществом. Как только муж по известным причинам оказывается не в состоянии распоряжаться имуществом (смерть, отлучка, болезнь, умопомешательство), его тут же заменяет жена.

Отсюда вытекает и правило, что на имущественную сделку, совершаемую женой, всегда требуется согласие мужа. Но это не означает, что муж всегда формально должен это согласие изъявлять. Просто в быту презюмировалось, что муж знал или должен был знать о совершаемой женой сделке. Эта презумпция необходима, т.к. она оправдывает всегдашнее возложение имущественной ответственности по сделкам жены на мужа.

Но принципиальная общность имущества означает, что и по долгам, сделанным мужем, к имущественной ответственности может быть привлечена жена. За исключением тех случаев, когда такой долг сделан мужем для пьянства [10, с. 484–485].

Таким образом, крестьянский семейный союз имеет развитую форму. Сохранение целостности семьи поддерживается крестьянской общиной и волостным судом. Деятельность волостного суда преимущественно направлена на примирение тяжущихся. Однако когда примирение не достигается, волостной суд принимает решения, целью которых является сохранение и упрочение семейных отношений. Простой крестьянский ум глубоко проникает в суть социальных явлений, мудро и эффективно решая спорные вопросы.

Библиографический список

1. Адаменко О.В., Скляр Л.Н. Культура отношений в крестьянской семье Ставропольской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2014. — № 2.
2. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. — М., 2011.
3. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. — М., 2003.
4. Загоровский А.И. Курс семейного права. — М., 2003.
5. Свода Законов Российской Империи : в 16 т. Т. X, ч. 1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://civil.consultant.ru/code/>.
6. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. — М., 1877.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. — СПб., 2003. Т. 1.
8. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. — СПб., 1895.
9. Труды комиссии по преобразованию Волостных Судов. Владимирская и Московская губернии. — СПб., 1873. Т. 2.
10. Труды комиссии по преобразованию Волостных Судов. Киевская и Екатеринославская губернии. — СПб., 1874. Т. 5.